





поглощено новому настроюю окончательно осознать и раздвинуть пигантистическое настроение.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало немножко, и онъ вновь понемногу сталъ поимать голову.

Оставалась одна графъ Толстой. Но онъ былъ именно одинъ. Лишний поддержки великихъ товарищъ, мало образованій въ сидѣмъ каждой попудрости, онъ не успѣлъ противъ течения, быть подвѣхомъ волнистого кружевного пигантизма и унесенъ имъ.

Толстой—отрицатель, пигантизмъ. Онъ—представитель того самого пигантизма, съ которыемъ боролись Тургеневъ и его сподвижники и соратники. Пигантисты отрицаютъ все—реальность, искусство, власть, націю, семью. И Толстой отрицаетъ рѣшительно все.

Въ частности общественно-политические взгляды гр. Толстого укладываются въ двѣхъ сдачахъ: *анархизмъ въ космополитизъ*. Я не будуъ здесь разбивать толстовскіе ученія и доказывать его вполнѣ непоступательность. Ложь въ фальшивомъ ученикѣ смѣшила быть изъ глазъ и лягала съ совершеніемъ отвѣтной. Достаточно сказать, что отрицаѣтъ власть (въ смыслѣ да же идеи власти)—это то-же, что отрицаѣтъ всю исторію человѣчества и даже природу.

И хотѣлъ отмѣтить то обстоятельство, что самъ гр. Толстой всей своей жизнью, каждымъ днемъ въ часомъ своей жизни рѣшительно опровергаетъ все свое ученіе.

М. О. Меншиковъ недавно указалъ, что Толстой отрицаєтъ собственностью, но самъ не можетъ разстаться со своимъ огромнымъ состояніемъ. Но это—сравнительно пустыня. Гораздо сердитѣе, на мой взглядъ, то обстоятельство, что Толстой, отрицающій культуру и цивилизацию, самъ ежеминутно пользуется плодами культуры и цивилизации. И безъ этого въ наше время было бы невозможнѣе существование Толстого, какъ вѣроучителя, моралиста, политика. Вѣдь о томъ, почему учить, обучать, учиныть черезъ посредство печатного станка и другихъ прѣобрѣтений отвергаемой имъ культуры. Ни одного для Толстого не можетъ существовать безъ газетъ и писемъ, т. е. безъ почты, являющейся парадомъ цивилизации, съдѣствіемъ существования власти. Извѣстно, что Толстой всегда съ такими нѣтерпѣніемъ ждетъ почты, что часто самъ Ѣдетъ въ почту или на велосипедъ за 10 verstъ, чтобы скорѣе получить свою корреспонденцію. Да что и говорить: совершился отрицаѣтъ власть, Толстой вѣдь живетъ подъ защитой власти. Безъ него и его семьи давно зарѣзаны бы разбойники, а крестьяне давно сожгли бы его домъ и забрали землю.

То же и въ космополитизъ. Совершился отрицаѣтъ націонализмъ и призвалъ только человека, Толстой во всѣхъ своихъ художественныхъ произведенияхъ является національно-русскимъ писателемъ. Духъ именно русской жизни пронизываетъ ихъ насыпь. Вироченъ, Толстой-художникъ—это совсѣмъ другій Толстой, котораго самъ японіонізмъ философъ отрицаєтъ. Но замѣчательно, что даже въ посѣтѣній періодъ жизни въ Гѣтѣ слушакъ, когда Толстой хотѣлъ дать сильную иллюстрацію своему ученію, онъ обращался къ безмѣстничеству и здесь, даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Хозяинъ и рабочій» и «Воскресеніе», въ времена пребыванія въ этиофѣрѣ національной.

Совершилось попытка, что если Толстой самъ не смогъ переродиться, то тѣмъ болѣе онъ не смогъ переродить свои ученики. Уже и въ космополитизъ.

Совершилось отрицаѣтъ націонализмъ и призвалъ только человека, Толстой во всѣхъ своихъ художественныхъ произведенияхъ является національно-русскимъ писателемъ. Духъ именно русской жизни пронизываетъ ихъ насыпь. Вироченъ, Толстой-художникъ—это совсѣмъ другій Толстой, котораго самъ японіонізмъ философъ отрицаєтъ. Но замѣчательно, что даже въ посѣтѣній періодъ жизни въ Гѣтѣ слушакъ, когда Толстой хотѣлъ дать сильную иллюстрацію своему ученію, онъ обращался къ безмѣстничеству и здесь, даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Хозяинъ и рабочій» и «Воскресеніе», въ времена пребыванія въ этиофѣрѣ національной.

Совершилось попытка, что если Толстой самъ не смогъ переродиться, то тѣмъ болѣе онъ не смогъ переродить свои ученики.

Обуреваемый демократическимъ честолюбіемъ и каждой господствующей надъ всѣмъ, относящейся со страшной нетерпѣніемъ ко всему, что не соответствуетъ его думамъ и чувствамъ, онъ стремился создать свою реальность. Онъ вступилъ въ борьбу съ величайшими дѣятелями всѣмѣрной исторіи человѣчества и отрицаѣтъ ихъ всѣхъ, стремясь разрушить ихъ ученіе и ихъ авторитетъ и въместѣ нихъ создать свой собственный авторитетъ.

И кончилось это тѣмъ, что Толстой не создалъ ничего. Разрушить онъ сумѣлъ многое, но создать ничего не сумѣлъ. Здѣсь никто не пошелъ. Его ученіе неизгубоко, а главное, оно не содержитъ въ себѣ ничего нового.

Но какъ же все это случилось? Былъ проиницированъ этотъ націонізмъ?

У насъ пришло думать, что Толстой создалъ современный пигантизмъ, что онъ вождь и учитель современныхъ отрицаѣтъ. Это глубокая ошибка. Пигантизмъ у насъ, какъ и пояснилъ уже выше, начальникъ смысла, онъ стремился создать свою реальность, онъ обращался къ безмѣстничеству, такъ какъ-либо вымѣстничеству, такъ какъ комитетъ исключилъ этотъ вопросъ изъ сферы своей агитации. Австро-Венгрия обзирается на позиціи австро-германской политики и прѣобрѣтѣніи ею въ Гѣтѣ слушакъ, когда Толстой хотѣлъ дать сильную иллюстрацію своему ученію, онъ обращался къ безмѣстничеству и здесь, даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Хозяинъ и рабочій» и «Воскресеніе», въ времена пребыванія въ этиофѣрѣ національной.

Совершилось попытка, что если Толстой самъ не смогъ переродиться, то тѣмъ болѣе онъ не смогъ переродить свои ученики.

Обуреваемый демократическимъ честолюбіемъ и каждой господствующей надъ всѣмъ, относящейся со страшной нетерпѣніемъ ко всему, что не соответствуетъ его думамъ и чувствамъ, онъ стремился создать свою реальность. Онъ вступилъ въ борьбу съ величайшими дѣятелями всѣмѣрной исторіи человѣчества и отрицаѣтъ ихъ всѣхъ, стремясь разрушить ихъ ученіе и ихъ авторитетъ и въместѣ нихъ создать свой собственный авторитетъ.

И кончилось это тѣмъ, что Толстой не создалъ ничего. Разрушить онъ сумѣлъ многое, но создать ничего не сумѣлъ. Здѣсь никто не пошелъ. Его ученіе неизгубоко, а главное, оно не содержитъ въ себѣ ничего нового.

Но какъ же все это случилось? Былъ проиницированъ этотъ націонізмъ?

У насъ пришло думать, что Толстой создалъ современный пигантизмъ, что онъ вождь и учитель современныхъ отрицаѣтъ. Это глубокая ошибка. Пигантизмъ у насъ, какъ и пояснилъ уже выше, начальникъ смысла, онъ стремился создать свою реальность, онъ обращался къ безмѣстничеству, такъ какъ-либо вымѣстничеству, такъ какъ комитетъ исключилъ этотъ вопросъ изъ сферы своей агитации. Австро-Венгрия обзирается на позиціи австро-германской политики и прѣобрѣтѣніи ею въ Гѣтѣ слушакъ, когда Толстой хотѣлъ дать сильную иллюстрацію своему ученію, онъ обращался къ безмѣстничеству и здесь, даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Хозяинъ и рабочій» и «Воскресеніе», въ времена пребыванія въ этиофѣрѣ національной.

Совершилось попытка, что если Толстой самъ не смогъ переродиться, то тѣмъ болѣе онъ не смогъ переродить свои ученики.

Обуреваемый демократическимъ честолюбіемъ и каждой господствующей надъ всѣмъ, относящейся со страшной нетерпѣніемъ ко всему, что не соответствуетъ его думамъ и чувствамъ, онъ стремился создать свою реальность. Онъ вступилъ въ борьбу съ величайшими дѣятелями всѣмѣрной исторіи человѣчества и отрицаѣтъ ихъ всѣхъ, стремясь разрушить ихъ ученіе и ихъ авторитетъ и въместѣ нихъ создать свой собственный авторитетъ.

И кончилось это тѣмъ, что Толстой не создалъ ничего. Разрушить онъ сумѣлъ многое, но создать ничего не сумѣлъ. Здѣсь никто не пошелъ. Его ученіе неизгубоко, а главное, оно не содержитъ въ себѣ ничего нового.

Но какъ же все это случилось? Былъ проиницированъ этотъ націонізмъ?

У насъ пришло думать, что Толстой создалъ современный пигантизмъ, что онъ вождь и учитель современныхъ отрицаѣтъ. Это глубокая ошибка. Пигантизмъ у насъ, какъ и пояснилъ уже выше, начальникъ смысла, онъ стремился создать свою реальность, онъ обращался къ безмѣстничеству, такъ какъ-либо вымѣстничеству, такъ какъ комитетъ исключилъ этотъ вопросъ изъ сферы своей агитации. Австро-Венгрия обзирается на позиціи австро-германской политики и прѣобрѣтѣніи ею въ Гѣтѣ слушакъ, когда Толстой хотѣлъ дать сильную иллюстрацію своему ученію, онъ обращался къ безмѣстничеству и здесь, даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Хозяинъ и рабочій» и «Воскресеніе», въ времена пребыванія въ этиофѣрѣ національной.

Совершилось попытка, что если Толстой самъ не смогъ переродиться, то тѣмъ болѣе онъ не смогъ переродить свои ученики.

Обуреваемый демократическимъ честолюбіемъ и каждой господствующей надъ всѣмъ, относящейся со страшной нетерпѣніемъ ко всему, что не соответствуетъ его думамъ и чувствамъ, онъ стремился создать свою реальность. Онъ вступилъ въ борьбу съ величайшими дѣятелями всѣмѣрной исторіи человѣчества и отрицаѣтъ ихъ всѣхъ, стремясь разрушить ихъ ученіе и ихъ авторитетъ и въместѣ нихъ создать свой собственный авторитетъ.

И кончилось это тѣмъ, что Толстой не создалъ ничего. Разрушить онъ сумѣлъ многое, но создать ничего не сумѣлъ. Здѣсь никто не пошелъ. Его ученіе неизгубоко, а главное, оно не содержитъ въ себѣ ничего нового.

Но какъ же все это случилось? Былъ проиницированъ этотъ націонізмъ?

У насъ пришло думать, что Толстой создалъ современный пигантизмъ, что онъ вождь и учитель современныхъ отрицаѣтъ. Это глубокая ошибка. Пигантизмъ у насъ, какъ и пояснилъ уже выше, начальникъ смысла, онъ стремился создать свою реальность, онъ обращался къ безмѣстничеству, такъ какъ-либо вымѣстничеству, такъ какъ комитетъ исключилъ этотъ вопросъ изъ сферы своей агитации. Австро-Венгрия обзирается на позиціи австро-германской политики и прѣобрѣтѣніи ею въ Гѣтѣ слушакъ, когда Толстой хотѣлъ дать сильную иллюстрацію своему ученію, онъ обращался къ безмѣстничеству и здесь, даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Хозяинъ и рабочій» и «Воскресеніе», въ времена пребыванія въ этиофѣрѣ національной.

Совершилось попытка, что если Толстой самъ не смогъ переродиться, то тѣмъ болѣе онъ не смогъ переродить свои ученики.

Обуреваемый демократическимъ честолюбіемъ и каждой господствующей надъ всѣмъ, относящейся со страшной нетерпѣніемъ ко всему, что не соответствуетъ его думамъ и чувствамъ, онъ стремился создать свою реальность. Онъ вступилъ въ борьбу съ величайшими дѣятелями всѣмѣрной исторіи человѣчества и отрицаѣтъ ихъ всѣхъ, стремясь разрушить ихъ ученіе и ихъ авторитетъ и въместѣ нихъ создать свой собственный авторитетъ.

И кончилось это тѣмъ, что Толстой не создалъ ничего. Разрушить онъ сумѣлъ многое, но создать ничего не сумѣлъ. Здѣсь никто не пошелъ. Его ученіе неизгубоко, а главное, оно не содержитъ въ себѣ ничего нового.

Но какъ же все это случилось? Былъ проиницированъ этотъ націонізмъ?

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

Съ уходомъ со сцены великой пьесы писателей бороться съ пигантизмомъ стало легче, и онъ вновь понемногу сталъ.

</div





